

АНТОН БОРИСОВИЧ БОГДАНОВ

(1969–2004)

Биографический очерк

Антон Борисович Богданов. Кандидат исторических наук, ассистент исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, автор многих исследований. Наш коллега и товарищ.

Писать о нем крайне тяжело — перед глазами сразу встает широкая улыбка, вспоминаются его забавные рассказы, и все слова кажутся слишком примитивными, не способными передать впечатления о человеке. Антон был душой компании, веселым рассказчиком историй, придумщиком забавных песен о преподавателях и студентах, которые исполнялись на Новый год, кулинаром во время выездов за город. Одной из его особенностей был неподдельный интерес к людям, умение находить общий язык с представителями любых профессий, вероисповеданий, стран. Каждого он удивлял знаниями из казалось бы чужой ему области — в период службы на память читал солдатам-казахам стихи их поэтов, знал особенности различных религий и т. д., почти каждому коллеге давал интересные советы по теме диссертаций.

Теплые и нежные отношения связывали его с мамой, Александрой Эдуардовной Богдановой, самым близким ему человеком. Она рассказывает об Антоне: «Он обладал обостренным чувством справедливости — из-за этого часто страдал и в школе, и в дальнейшей жизни, но никогда не позволял ни себе, ни другим обижать не умеющих отстоять себя морально или физически. Был очень добрым, светлым, жизнерадостным человеком. Во всех людях, с кем пришлось встретиться в жизни, видел только хорошее, старался помочь во всем, хотя и не всегда люди отвечали тем же. Любой человек всегда оставался в его жизни — в его записных книжках великое множество дат рождений, телефонов, пометок. Занимаясь своими исследованиями, всегда отмечал материалы, которые могли пригодиться его сокурсникам и коллегам. Из него со временем получился бы великолепный преподаватель, настолько он всегда щедро делился своими знаниями с другими. При этом все студенты были для него “коллегами”, он искал новые методы передачи знаний студентам, пытался на своем коротком преподавательском пути развить в них не поглощение знаний для сдачи очередного экзамена, а стремление к исследованию, критичность, умение работать с первоисточниками».

Александра Эдуардовна совершенно справедливо перевела нить рассказа на Историю. Именно о непростом пути Антона к этой науке, о его успехах и о том новом, «своем», что он вкладывал в каждое дело, за которое брался, мы и постараемся рассказать.

Антон родился в Ленинграде 15 октября 1969 г.

С 6 по 9 класс он занимался в клубе «Юнга» при Дворце пионеров и школьников. Там бывшие моряки помогали ребятам осваивать морские специальности и определять свое отношение к морю как возможному жизненному пути. Еще большее значение имело формирование важнейших понятий: порядочности, целеустремленности, умения работать в команде, подчиняться разумной дисциплине, оставаясь при этом личностью. И, конечно, романтика. Во время летних плаваний на учебном судне «Юнга» Нева из закованной в гранит главной перспективы города превращалась в оживленный торговый путь, связанный с многими трудностями: вереница встречных судов, «Кривое коле-

но», Ивановские пороги, Кошкинский фарватер... И дальше — в древний Новгород. Возможность в школьные годы надеть морскую форму значит очень много. При посещении с мамой Мамаева кургана в Волгограде 12-летний Антон печатал шаг мимо скульптуры матроса, держа головной убор на локте. Это, конечно, было не позерство — это было уважение к подвигу и чувство сопричастности к людям в тельняшках.

После 10 класса Антон хотел поступать в военно-морское училище, но подвело зрение. Тогда он выбрал для себя другой вуз — Высшее политическое училище МВД. Интересно, что учительница, которой не нравилась его самостоятельность, написала для приемной комиссии, мягко говоря, не очень хорошую характеристику. И тут класс проявил редкую сплоченность — все потребовали переписать документ, и своего добились!

Учеба была нелегка — напряженные занятия, изматывающие физические тренировки. Вдобавок — «практика»: выезды для охраны и этапирования заключенных (однажды Антон вез из Прибалтики бывшего пособника фашистов), командировки в «горячие точки» Закавказья, Баку, бои в Нагорном Карабахе...

В 1988 г., с третьего курса, Антон ушел в армию, до июня 1989 г. служил на Севере. После демобилизации стал водителем троллейбуса. Среди дружной компании водителей маршрута № 9 носил прозвище «Таксист» — его машина имела большую кабину, в которой часто катались друзья.

Стремление непременно учиться привело летом 1991 г. в приемную комиссию 1-го Медицинского института. Цель казалась близкой — перед последним экзаменом Антону говорили, что он станет старостой группы. Не хватило одного балла. Тогда возникла новая идея — устроиться на работу препаратором в морг кафедры нормальной анатомии того же института. Однако до второй попытки поступления дело не дошло — весной 1992 г. Антон уволился и вместе с другом Андреем Мищенковым уехал в Приднестровье. О причинах, толкнувших на этот шаг, Антон десять лет спустя так писал в своих воспоминаниях, оформленных в виде дневника: «13 апреля. <...> Парни во взводе потихоньку приглядываются, расспрашивают о том, о сем. Что меня уже просто достало, так это постоянные расспросы о причине нашего приезда. Но что я им могу сказать? Отделяться какими-нибудь ура-патриотическими лозунгами не хочется, объяснять, что не люблю когда слабых обижают — это как-то по детски. Зачем мне кому-то рассказывать о том, что не могу я дома сидеть, когда... Сегодня Приднестровье, а завтра что — на Крестовском окопы рыть? Странно, вроде российские власти должны защищать русских везде, а они сопли жуют. Не хочу задумываться, почему так происходит, но больше я не могу сидеть в уютных компаниях на питерских кухнях (странно, почему мы всегда тусуемся на кухнях?) и вести многомудрое словоблудие о русской миссии, о светлом российском завтра и прочей высокопарной чуши. Я молод, здоров, отслужил в армии, имею кое-какой боевой опыт. А сюда, в основном, приезжают из России сущие малолетки, которые совершенно не представляют даже таких простых вещей, как окоп отрыть, растяжку на тропке поставить или как “муху” раскрыть. Стыдно мне дома сидеть, когда пацаны в окопах»¹.

Служба в Бендерах (стрелком в Территориально-спасательном отряде по чрезвычайным ситуациям) оказалась недолгой. Часть ее пришлась на период перемирия, хотя Антону пришлось участвовать и в перестрелках, и в разведке, однажды — прыгать с

¹ Боданов А. Б. Война в Бендерах (из дневника волонтера). 1992 г. // Нестор: Ежекварт. журн. истории и культуры России и Вост. Европы. 2001. № 2(6): Человек и война. СПб.; Кишинев; Париж, 2003. С. 348.

одной крыши девятиэтажки на другую в поисках корректировщика. Как вспоминает А. В. Мищенко, несмотря на малое число боев, опасность зачастую была 24 часа в сутки.

Вечером 19 июня 1992 г. молдавская сторона начала бои за Бендеры. В числе погибших был один из питерских добровольцев, товарищ Антона Алексей Мельцов. Следующим утром получил пулевое ранение в правое плечо и Антон, его подстерег снайпер. Взвод находился практически в окружении, вывезти раненых в Тирасполь не удавалось. После перевязок их распределяли по квартирам местных жителей. Через день, 22 июня, возвращавшийся с перевязки Антон был контужен миной. На следующий день выяснилось, что ночью приднестровцы отступили из города. Слабость не давала ходить, но стремление обзавестись оружием толкнуло на крайность — 24 июня в стороне от места жительства Антон бросил одну из двух имевшихся гранат в проходивший патруль. Цель достигнута не была, хотя скрыться и удалось. В тот же день местному жителю удалось вывезти раненого в Тирасполь.

Госпиталь был переполнен, медикаментов не хватало. Почерневшую, с признаками гангрены рану врач «зачищал» с помощью простейшей анестезии — стакана спирта. Благодаря его стараниям руку удалось спасти, хотя она долго еще не очень хорошо действовала и в последующие годы нередко болела. Кроме физических страданий были и иные. В те же дни приходилось постоянно посещать фуры — рефрижераторы, опознавать среди множества погибших знакомых, павших в боях за Бендеры или убитых в «черной автоколонне», по ошибке расстрелянной русской 14-й армией.

Интересно, что в июле Антон подал документы на исторический факультет Тираспольского университета и был зачислен. Тогда он писал матери, что останется жить в Приднестровье, которое стало его домом. Однако из-за военной ситуации занятия так и не начались.

В середине июля Антон прилетел в Петербург, до начала августа лечился в госпитале, а 7 августа вернулся в Бендеры. Вместе с вдовой А. В. Мельцова он нашел тело погибшего друга в братской могиле, участвовал в его перезахоронении. А вскоре Приднестровье пришлось покинуть. Приведем еще одну запись Антона: «17 августа. Последняя подляна для нас с Дроном. Позавчера был подписан приказ об увольнении всех добровольцев. Значит, пора уезжать. Дрон в депрессии, матерится. Все это напоминает историю с презервативами. Использовали и выкинули. Местные ребята тоже ничего не понимают, но и поделать ничего не могут»¹.

С тех пор тема локальных конфликтов и их участников занимала в жизни Антона особое место. Но об этом чуть позже.

В Петербурге Антон окончил курсы специалистов по рекламе и в течение года работал в рекламно-информационном агентстве, пройдя путь до заместителя директора по рекламе. Затем был начальником рекламного отдела в АОЗТ «Образовательный театр».

Важнейшим событием стало случайное (в трамвае) знакомство с Людмилой Михайловной Шляхтиной, заведующей кафедрой музееведения факультета культурологии Санкт-Петербургской государственной академии культуры (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств — СПбГУКИ). По ее совету Антон летом 1994 г. поступил на заочное отделение. Староста группы и большой его друг, Анна Абрамова, вспоминает, что во время обучения Антон отличался большой трудоспособностью и стремлением выполнить все требуемые преподавателями работы как

¹ Богданов А. Б. Война в Бендерах. С. 358.

можно более интересно. После прослушанных на первом курсе лекций по этнографии он увлекся изучением народности манси, так как в нем была часть и их крови. На следующий год, для зачета уже по другому курсу, Антон составил план экспозиции по манси, заслужив очень высокую оценку сотрудника Музея этнографии. А в 2000 г. опубликовал статью о военном искусстве манси в журнале «Родина».

На одной из конференций по музейному делу Антон прочел доклад на поразившую участников тему: «Провинциальные музеи в районе локального конфликта (к вопросу о тезаврировании)». Многим в Петербурге странно было слышать такие, например, советы: «Окна фасада музея необходимо по возможности затягивать металлическими сетками (в Бендерском краеведческом музее для этих целей использовались сетки панцирных кроватей и пружинные матрасы), таким образом создается достаточная защита от поражающих факторов осколков мин и ручных гранат». Но все пережитое требовало выхода.

В апреле 1996 г. Антон поступил на работу в Государственный мемориальный музей (ГММ) А. В. Суворова. Слово его коллеге А. Н. Лукирскому: «Антон порекомендовал на работу однокурсник, с которым они вместе учились на заочном отделении кафедры музееведения Санкт-Петербургской государственной академии культуры. В музее Антона определили в отдел фондов, где он занял должность хранителя фонда оружия. Сочетание интереса к оружию и любви к истории с мастерством исследователя дало прекрасные результаты. Антон создал базу данных по оружию, хранящемуся в фондах музея. К его творческим удачам следует отнести восстановление истории одного замечательного экспоната — шпаги великого князя Михаила Павловича, которую передал в дар музею известный русский военный историк В. В. Звегинцов. Мемориальный статус музея задавал тематику научных изысканий. Антон занимался не только научной обработкой фонда, но и научной работой, связанной с жизнью А. В. Суворова и его близких, водил экскурсии по новой экспозиции музея. Особенно плодотворными в исследовательском отношении стали годы, предшествующие 200-летию юбилею Итальянского и Швейцарского походов русской армии».

Новая работа увлекла Антона. И несколько лет спустя он с увлечением рассказывал, как разбирал и приводил в порядок кремневые замки пистолетов XVIII в. Итогом же научной деятельности стали несколько статей о Суворове и изданный на собственные средства справочник «Суворов в 1799–1800 гг. Хронологические материалы...». На 270 страницах формата А4 мелким шрифтом приведены подневные сведения о деятельности генералиссимуса и перемещениях войск, краткие биографические сведения о всех упоминаемых в тексте персоналиях, как русских, так и иностранных. Справочный аппарат содержит 2035 сносок, библиография — 649 названий! В результате напряженной годовой работы по сопоставлению источников удалось «отсеять» многочисленные неточные сведения, содержащиеся в различных изданиях. Данный труд с большим интересом встретили занимающиеся историей суворовских походов исследователи, в том числе известный московский историк А. Г. Кавтарадзе, которому, кстати, и была посвящена эта книга.

Между тем обучение в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств подходило к концу. Тему для дипломной работы Антон избрал следующую: «Музей как центр социально-психологической адаптации участников современных вооруженных локальных конфликтов». Чистое теоретизирование Антона не интересовало — он, в частности, разработал вполне осуществимую программу мероприятий, попытавшись реализовать намеченное в ГММ А. В. Суворова. Безуспешно. В декабре

следует искать и истоки интереса к проблеме, которой было посвящено его диссертационное исследование.

Уверена, без Антона, его умения самому работать, и умственно и физически, в полную силу и с полной самоотдачей, в тот период мы не сделали бы так много.

Уже после того, как Антон уволился из музея, на протяжении последних месяцев перед открытием экспозиции в декабре 2001 г. он приходил в ВММ раз в неделю и бескорыстно помогал в монтаже экспозиции. А в последние недели мы проводили в экспозиции все выходные, и Антон наравне с нами работал по 10 часов, развешивая и расставляя экспонаты».

В августе 2000 г. Антон сдал экзамены на факультет истории Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб). В качестве вступительной работы он представил книгу «Суворов в 1799–1800 гг.».

С Антоном мы познакомились 11 сентября 2000 г., на встрече первокурсников. Наш курс, на который было принято 11 человек, оказался необычайно дружным, что помогает нам и сейчас, хотя жизненные пути все же разошлись, поддерживать связь и участвовать в тех или иных совместных проектах.

Деятельность факультета истории ЕУСПб направлена на подготовку специалистов по истории России, знакомых с достижениями коллег в различных отраслях исторической науки и других смежных дисциплин, способных к работе в рамках международного научного сообщества и, конечно, защищающих свои собственные оригинальные проекты. В ходе первого года обучения мы совершенствовали свои знания в сфере историографии, источниковедения, вспомогательных исторических дисциплин, методов исторического исследования; овладевали английским языком и искусством получать гранты. Свободного времени не оставалось. Сложно было и работать над диссертацией, но в каждом курсе, даже не связанном с хронологическим периодом собственной работы или ее общей направленностью, оказывалось что-то важное, что привносило новые идеи и в конечном счете служило развитию диссертационного исследования. Для Антона, например, оказались важными подготовленные им доклады «Общее образование в системе подготовки офицеров Российской империи» (курс М. В. Лоскутовой, посвященный образовательной традиции Европы и России в Новое время), «Военное министерство XIX — начала XX в. в зеркале отечественной историографии» (курс Р. Ш. Ганелина «Источниковедение и историография предреволюционной России»). Доклады на курсе С. В. Ярова «Историография и источниковедение истории России советского периода» помогли Антону опубликовать и откомментировать (с применением палеографического и текстологического анализа) дневник его деда старшего лейтенанта Э. А. Аппеля (1907–1940), участника советско-финляндской войны 1939–1940 гг. Дневник дополняют письма и фотографии, сохранившиеся в семейном архиве. Уникальность данного источника очевидна — подобные записи тогда вообще было запрещено вести. Впоследствии Антон продолжил публикаторскую деятельность, поместив в журнале «Нестор» письма с фронтов Первой мировой войны своего прадеда, старшего унтер-офицера М. И. Иллюминарского (1878–1915), а также письма со «второй чеченской войны» своего товарища А. В. Мищенкова.

Если говорить о работе на других семинарах, то следует упомянуть обращение Антона к запискам капитана Жака Маржарета (аспект, посвященный военному делу на рубеже XVI–XVII вв.) и институту судебного поединка на Руси (нормы Псковской судной грамоты и их развитие в других законодательных памятниках), позиции историка в экстремальных условиях тоталитаризма. Антон всегда поражал сокурсников эрудицией

в области военной истории, творческим подходом к решению поставленной задачи. Надо отметить, что ему был присущ дар великолепного рассказчика. И с течением времени «знаточество», как говорили наши преподаватели, переходило в исследовательские умения. Уже на первом курсе Антон подготовил большую статью по теме диссертации. Он рассмотрел формирование и эволюцию официального статуса морских врачей Российской империи, доказав правомерность их рассмотрения в качестве социальной группы.

Обучение на втором и третьем курсах Европейского университета предполагало участие в диссертационных семинарах. Здесь участники представляли разделы и главы диссертаций, над которыми работали в течение этих двух лет. В обсуждении принимали участие как слушатели, что позволяло им на практике освоить искусство дискуссии, так и преподаватели факультета. За эти два года и надо было подготовить диссертацию. Научным руководителем Антона стал В. В. Лапин, бывший в то время деканом факультета истории. Его подопечный полностью справился с принятыми на себя обязательствами: 24 июня 2003 г., за несколько дней до окончания программы обучения в ЕУСПб, в стенах Санкт-Петербургского института истории РАН состоялась защита его кандидатской диссертации «Врачи морского ведомства Российской империи (1762–1822): проблема официального статуса». Решение о присуждении искомой степени было принято единогласно. Подтверждение из ВАК пришло через несколько дней после гибели Антона...

Первоначально у диссертации предполагались несколько иные хронологические рамки, да и тема заявлялась шире — исследование как официального, так и неофициального статусов морских врачей. Для достижения задуманного Антон предпринял попытку применить историко-антропологический подход к своей теме. После бурных обсуждений на диссертационном семинаре он принял решение «отложить неофициальный статус до докторской». В дальнейшем «портрет» врачей морского ведомства «был представлен» в ряде статей¹ и должен был «появиться» в монографии, над которой Антон работал в последние годы. Он пришел в ЕУСПб с твердым намерением уложиться при написании работы в отведенные три года (что удавалось крайне немногим, из 11 человек нашего курса — еще лишь В. С. Утгоф) и не собирался от него отказываться. В итоге Антон решил в своей диссертации три задачи: во-первых, проанализировал российское законодательство, посвященное медицинской службе; во-вторых, изучил практики воплощения статусных норм; в-третьих, продемонстрировал претворение в жизнь законодательных норм. Проведенное им исследование не замкнулось на изучении официального статуса врача российской службы внутри отдельно взятого ведомства. Оно продемонстрировало процесс вхождения небольшой профессиональной группы морских медиков в состав чиновной системы империи. Результаты исследования могут быть использованы как для дальнейшего изучения корпорации морских врачей (и врачей в России вообще), так и для изысканий в области истории формирования социальных и профессиональных групп российского общества.

По впечатлениям мамы Антона, Александры Эдуардовны, годы обучения в Европейском университете были самыми светлыми. Дома он делился впечатлениями от лекций, докладов, событий факультетской жизни. Самым сильным огорчением первого года об-

¹ Богданов А. Б. 1) Джон Рожерс и Джейкоб Лейтон: Британцы во главе медицинской службы морского ведомства России (1803–1832) // Проблемы истории государственного управления. Государственный аппарат и реформы в России (к 200-летию министерской системы управления в России): Материалы междунар. науч. конф. 24–25 окт. 2002 г. Ч. 2. СПб., 2004. С. 56; 2) Иван Мальшев — хирург Черноморского флота // Кортик: Флот. История. Люди: Науч.-попул. изд. Вып. 3. СПб., 2004. С. 23–29.

учения стали пометы (местами язвительные) научного руководителя на полях текста статьи. Мама отнеслась к этому философски, процитировав А. С. Грина: «Начинается отделка шенка под капитана». В итоге критика была воспринята правильно и учтена.

О работе над этой диссертацией рассказывает Владимир Викентьевич Лапин: «Об ушедших из жизни научных руководителях написано немало. Так устроен мир, что получившие ее позднее провожают в последний путь тех, кто раньше появился на свет, раньше присоединился к определенному цеху мастеров. При всей своей боли и печали эти проводы — не более чем ритуал, оформляющий нечто неизбежное. Воспоминания об учителях — дань их памяти, благодарность, почему-либо не высказанная при жизни. Писать в прошедшем времени об учениках тяжело и страшно. Ненормальность произошедшего 4 апреля 2004 г. превращает любые предложения в нелепые, произвольные конструкции из существительных, глаголов и прилагательных. Это — тот самый случай, когда обнаруживается вся скудость письма, невозможность обратить чувства и мысли в связный текст.

Антон пришел в аспирантуру исторического факультета ЕУСПб с уже выбранной темой “Врачи морского ведомства” и был ей предан так, как будто дал кому-то клятву быть ей всегда верным. За все годы он, по сути дела, ни разу серьезно от нее не отвлекся, и эта целеустремленность принесла удивительные плоды. У него не было диплома исторического факультета и многих очень важных знаний и навыков. Однако Антон стремительно ликвидировал одну лагуну за другой, и уже вскоре в беседе с ним было трудно заподозрить отсутствие базового образования. В самом начале нашей совместной работы он определял хронологические рамки диссертации “от Чесмы до Наварина”, т. е. от 1770 до 1827 г., не смущаясь тем обстоятельством, что победы над турецким флотом никакого отношения к изменениям статуса флотских лекарей не имели. Через некоторое время такое смущение появилось, и наконец указанное определение отпало само собой.

Большие усилия требуются человеку для преодоления собственных недостатков, но еще больше — для преодоления достоинств, превратившихся в одночасье в недостатки. Антон оказался именно в такой ситуации. Он был знаток — знал в мельчайших подробностях биографии своих героев, разбирался в хитросплетениях служебных и личных конфликтов, не хуже тренированного канцеляриста знал систему довольствия медицинских чинов в царствования Екатерины II и Александра I. Он стал пленником своей эрудиции — нередко тонул в свидетельствах, цифрах и колоритных цитатах. Превращение такого знатока в специалиста, способного анализировать и сопоставлять, не копить знание, а создавать новое, — нелегкое дело. Однажды во время доклада я в сердцах заметил: читателю научной работы не очень интересно знать, что у такого-то неизвестного медика была гипертония или неврастения. Антон тут же заметил — у этого медика был ревматизм. В конце концов, он сумел преодолеть собственную эрудицию — информация перестала быть упорядоченной грудой дат, имен и событий, она стала основой полноценного научного исследования.

Его диссертация имеет еще одно ценное качество: она предполагает развитие. Она не относилась к тому виду научных сочинений, завершение работы над которыми вновь ставит исследователя перед проблемой выбора темы. Было куда идти, было что делать. Кто-то должен продолжить».

В период обучения в ЕУСПб интерес Антона к локальным конфликтам последних лет вышел на качественно новый уровень. Важным этапом стало участие в проекте «“Другие русские” или мобилизованная ментальность», проводившемся в июле 2000 —

феврале 2002 г. факультетом этнологии. О сути проекта рассказывает наша однокурсница М. Г. Эйтингина: «Он был посвящен изучению состояния сознания, культуры повседневности и жизненных траекторий “других русских” — людей, ставших частью массовой иммиграции на территорию бывшего РСФСР из союзных республик. Эту группу составили и оседлые жители национальных республик, которым местное население традиционно приписывало особую этническую близость к центральной власти, индустриальной цивилизации и пр.; и трудовые мигранты — геодезисты, нефтяники, офицеры и т. п. — те, кому случилось в момент расторжения союзного договора жить за пределами России; дети от смешанных браков, социализирующиеся как русские, и некоторые русскоязычные украинцы, татары, болгары и др., чей этнический статус местным населением “приравнивался” к русскому. Все эти категории населения объединяет пережитый опыт миграции постсоветского периода. Задача исследования — изучение прежде всего индивидуальных траекторий миграции, проблемных контекстов, их сопровождающих, и вербализации их самими мигрантами. Особое внимание уделялось экономическим практикам и мировоззренческим установкам, лежавшим в основании жизненных стратегий вынужденных переселенцев. Одной из важнейших целей проекта являлось создание фонда биографий вынужденных переселенцев, отражающих миграционные процессы 1990-х годов».

Антон принял участие в проекте летом 2001 г., откликнувшись на предложение за плату транскрибировать записанные на магнитофонные пленки интервью. Однако, как и в любом деле, за которое он брался, у него почти сразу появились собственные идеи, вызвавшие интерес координаторов. Взяв целый ряд интервью у мигрантов из Приднестровья (приезжая в Петербург, некоторые из них первоначально останавливались у Антона), он написал большую статью «Приднестровская война 1992 г. и миграция как ее последствие (на примере Санкт-Петербурга)», которая еще ждет публикации. Следует отметить, что часть информантов соглашалась на такие беседы лишь из уважения к Антону, сотрудничать с другими исследователями они бы отказались. В указанной статье первоначально были проанализированы истоки как самого конфликта, так и последующего экономического кризиса в Приднестровской Молдавской республике. На основе интервью Антон делал выводы о практически полном отсутствии в Петербурге сетевых сообществ выходцев из Приднестровья, существенной разнице в ожиданиях переселенцев и достигнутых ими в действительности результатах и т. д.

С 2002 г. Антон участвовал в конференциях, проводящихся в Екатеринбурге Центром военных и военно-исторических исследований Гуманитарного университета, Союзом офицеров запаса, Муниципальным музеем Памяти воинов-интернационалистов «Шурави». Сделав доклад на тему «Приднестровский конфликт и российские волонтеры», Антон вскоре опубликовал в журнале «Военный комментатор» («ВоенКом») две статьи о «своих эскулапах», как он их называл («Чем больше я ими занимаюсь, тем больше их люблю!»). Вскоре он вошел в редколлегию «ВоенКома», развернув активную деятельность по сбору научных статей в Петербурге. Благодаря его усилиям в числе авторов журнала оказались В. В. Лапин, С. В. Куликов, А. Н. Лукирский, Д. А. Журавлев.

В конце 2003 г. Антон был принят ассистентом на исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Там предполагалось создать кафедру музееведения, временно же он вел семинарские занятия на кафедре истории России.

В 2003 г. Антон совместно со слушательницей Европейского университета М. И. Арефьевой разработал проект «Крах империи: поляк на распутье (1917–1918 гг.)».

Слово Марии Арефьевой: «Цель проекта — попытаться объяснить, почему большинство этнических поляков после создания независимого польского государства не стали возвращаться на историческую родину, несмотря на революционную и нестабильную обстановку в России. С другой стороны, многие поляки не вняли призывам помочь в возрождении Польши. Подготовительный этап проекта завершен, обозначен круг источников, определены лакуны и возможности их заполнения иными материалами, проанализированы и классифицированы работы по проблемам миграции населения во время и после войны 1914–1918 гг.».

Для решения задачи планировалось как привлечь материалы государственных архивов (четырёх российских и трёх польских), так и провести в русле «устной истории» интервьюирование потомков поляков, ознакомиться с семейными архивами. Географические рамки ограничивались Петроградом и территорией Северо-Запада. Данный проект получил грантовую поддержку от независимого консорциума учреждений науки и культуры (Библиотека Ягеллонского университета, Библиотека Народова в Варшаве, научное издательство Оссолинеум, издательство Сейма Польского, Институт социологических исследований Польской академии наук). Предполагалось в течение трех лет (2004–2007) провести исследования, по результатам которых в начале 2008 г. издать монографию. В связи с трагической гибелью Антона проект был заморожен.

Антон часто помогал тем, кто нуждался в его советах. К нему обращались из различных организаций за консультациями по вопросам военного дела, униформы и т. д. Например, летом 2002 г. с ним связались сотрудники Центра еврейского искусства при Иерусалимском еврейском университете. Они работали над созданием компьютерной презентации, посвященной Большой синагоге в Остроге (Украина). Рассказывает Владимир Левин: «Среди прочего, с этой синагогой связана легенда о том, как русские войска в 1792 г. обстреливали ее из пушек. В одном из текстов было сказано, что русскими войсками командовал Суворов. Я, естественно, этому не очень поверил и поэтому обратился к Антону. Он не только сообщил, что Суворов был в это время в Финляндии, но и предположил, кто мог командовать русскими войсками в Остроге (вероятно, там были части корпуса Кречетникова). Его предположение полностью подтвердилось, так как на документе 1820-х годов, содержащем перевод еврейской надписи в синагоге, какой-то чиновник приписал имя командующего русскими войсками». Не всегда подобные обращения были связаны с наукой — в то же время Антон консультировал по костюмно-оружейной части Александру Егорушкину, работавшую над книгами «Настоящая принцесса и Бродячий мостик» (СПб., 2003) и «Настоящая принцесса и летучий корабль» (СПб., 2004).

Обилие разраставшихся выписок о морских врачах и стремление их упорядочить стали одним из толчков к созданию проекта реляционной базы данных «Врачи морского ведомства Российской империи, 1762–1849». Предварительные разработки были выполнены в начале 2002 г. в ЕУСПб Антоном, его научным руководителем В. В. Лапиным и сотрудником Информационно-вычислительного центра университета С. В. Хмельницким.

Для заполнения базы данных предполагалось использовать самые разнообразные источники. Одним из ее достоинств должна была стать возможность выполнения различных запросов типа «Какой процент от общего числа морских врачей морского ведомства в 1801 г. составляли лица с зарубежным профильным образованием?». По мнению составителей, такая база была бы полезна «специалистам в области микроистории,

1999 г. он получил квалификацию «музеевед» (диплом с отличием), а в марте следующего года сменил место работы, перейдя в Военно-медицинский музей (ВММ).

Об этом периоде его жизни рассказывает кандидат культурологии Анна Волькович: «Антон пришел на работу в Военно-медицинский музей Министерства обороны РФ через 3 месяца после получения диплома об окончании СПбГУКИ, в самом начале апреля 2000 г., и проработал в нашем музее до момента поступления в аспирантуру Европейского университета. В это время ВММ, крупнейший медицинский музей страны, в котором собраны уникальные предметы, от рукописных лечебников XVII в. до осколков, извлеченных из тел раненых в Афганистане и Чечне, был уже почти 20 лет закрыт для посетителей. С конца 1990-х в музее стала разрабатываться и воплощаться концепция его возвращения в культурное пространство города и страны. Одним из эффективных шагов руководства музея было привлечение на работу в музей нескольких молодых специалистов-гуманитариев, ставших костяком замечательной, очень сплоченной команды, собственными руками создававшей новую экспозицию ВММ. Можно предположить, что взаимный выбор (и Антоном музея, и музеем нового сотрудника) был связан с темой дипломной работы А. Б. Богданова, посвященной вопросам адаптации участников военных конфликтов музейными средствами. Специфика музея такова, что в момент поступления Антона на работу в научных отделах (и экспозиционном также) не было штатных мест, на которые могли бы быть приняты люди с немедицинским образованием. Поэтому формально Антон и некоторые другие молодые сотрудники были зачислены в Архив военно-медицинских документов (структурное подразделение музея) хранителями фондов с прикомандированием к экспозиционному отделу.

Приход Антона в ВММ совпал по времени с началом работы над созданием выставки «На всю оставшуюся жизнь...», посвященной 55-летию Великой Победы. Нужно отметить, что как работая над этой выставкой, так и создавая экспозицию, мы все делали сами, от создания научной концепции и отбора экспонатов до реставрации шкафов и витрин и развески экспонатов. Антон блестяще проявлял себя не только как генератор идей, но и как человек, не просто не чуравшийся физической работы, но и мастерски управлявшийся с инструментами, шурупами и леской. Параллельно с монтажом выставки Антон придумал концепцию музейно-педагогического проекта для музея, который мы назвали «Кабинет земского врача». Проект этот до сих пор не реализован, но мы надеемся, что создадим этот кабинет в новой экспозиции музея.

После открытия выставки мы все занялись работой над постоянной экспозицией. Антон подбирал новые экспонаты для разделов, посвященных становлению и развитию медицины в России, с IX до середины XIX в. Работа была творческой и требовавшей серьезной исторической подготовки. Дело в том, что в основу экспозиции в целом была положена идея демонстрации наиболее интересных подлинных материалов из собрания музея. Доставшиеся же Антону разделы в старой экспозиции (1950 — начала 1980-х гг.) были насыщены не столько предметами, сколько текстовыми таблицами и схемами, иллюстрировавшими организацию медицинской службы и интересными по большому счету только узким специалистам. Антон же предложил больше внимания уделить врачам. Так в экспозиции появились портрет Д. Велланского, рукописи С. Громова, хозяйственные документы Медико-хирургической академии, комплекс, посвященный И. В. Буяльскому и многое другое. Ось времени задавалась по идее, принадлежавшей Антону, — выставленными в зале скульптурными изображениями формы одежды военных и морских медиков. Наверное, в работе над этим разделом экспозиции

социологии, истории медицины, военной истории, этнологии, исторической антропологии, а также студентам и аспирантам соответствующих специальностей»¹.

К сожалению, получить грант на реализацию проекта не удалось. Тогда, вскоре после защиты диссертации, Антон начал самостоятельно собирать все возможные данные о врачах XVIII — начала XX в., ориентируясь при этом не только на «эскулапов» морского ведомства, но на медиков России в целом. Информацию он организовывал в биографические справки, составленные по алфавиту в текстовом редакторе «Word». Многие и многие дневные часы он проводил в библиотеке, по ночам набирая собранные сведения. Он заранее составил план работы и часто с гордостью рассказывал друзьям, насколько его перекрыл. Как будто боялся не успеть... Не успел.

Материалы для справочника преимущественно взяты из опубликованных источников, но есть и сведения о морских врачах из фондов РГА ВМФ. В первую очередь это информация из списков морских врачей на 1803 и 1806–1807 гг. Кроме того, в ноутбуке Антона остался файл с почти полностью переписанными послужными списками многих врачей морского ведомства за 1849 г. (напомним, именно этот рубеж был установлен Антон в качестве верхней границы планировавшейся базы данных). На основе этих выписок Антон в феврале-марте 2004 г. подготовил небольшую статью «Врачи-поляки на службе в русском флоте в 1849 г.»². Конечно, при подготовке настоящего справочника к изданию в него по возможности были включены все обнаруженные в компьютере материалы.

Антон успел сделать очень многое, но остались и нереализованные планы. Следует упомянуть о планировавшихся поездках за границу — в Польшу, в Абердинский университет (Шотландия) для стажировки и работы в британских архивах и т. д. Его жизненный путь показывает, как долго он искал свое призвание и наконец нашел. Он был незаурядной личностью и, как многие говорят о нем сейчас, необыкновенно живым.

Благодарим за помощь и предоставление материалов для написания этой статьи А. Э. Богданову, А. Б. Богданову, В. В. Лапина, А. Ю. Волькович, А. Е. Абрамову, А. Н. Лукирского, А. В. Мищенко, О. Ю. Малинову-Тзиафету, М. И. Арефьеву, М. Г. Эйтингину.

А. Ю. Емелин, М. А. Емелина

¹ Богданов А. Б., Лапин В. В., Хмельницкий С. В. Проект реляционной базы данных «Врачи морского ведомства Российской империи, 1762–1849 гг.» // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сб. материалов науч.-практ. семинара (Санкт-Петербург, 4–5 июня 2002 г.). СПб., 2002. С. 197.

² Опубликовано после гибели Антона: Богданов А. Б. Врачи-поляки на службе в русском флоте в 1849 г. // Вестник морского врача. Севастополь, 2008. № 5. С. 67–68.